
ЖЕНЩИНЫ И МУЖЧИНЫ НА РАБОТЕ И ДОМА: ГЕНДЕРНОЕ РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА В РОССИИ И ШВЕЦИИ

Ж.В. Кравченко, А. Мотеюнайте

В статье рассматривается взаимодействие между уровнем и формами общественной занятости населения и реализацией семейной политики в России и Швеции. Исследование основывается на анализе статистических данных и официальных документов, описывающих структуру социальных услуг и помощи семьям с детьми, и на показателях занятости населения, а также на данных Международной программы социальных исследований, модуль «Семья и изменяющиеся гендерные роли» (1994 и 2002 годы). Результаты показывают, что и Россия, и Швеция продвигают семейную модель «два кормильца», но в Швеции в структуре реализации мер семейной политики больше внимания уделяется привлечению обоих родителей к заботе о детях и созданию гибких условий участия женщин на рынке труда. Традиционные гендерные роли пользовались постоянной и гораздо большей поддержкой в России, чем в Швеции. Пропорция семей с двумя кормильцами и / или женщиной-кормильцем была тем не менее выше в России, чем в Швеции, особенно в 1994 году в разгар реформ в социальной и экономической сферах. Разделение домашнего труда в Швеции было более равным, чем в России. Больших различий между странами в распределении заботы статистический анализ не выявил. Данные, полученные в ходе исследования, позволяют предположить, что семейная политика способствует обеспечению занятости женщин, но не обязательно влечет изменения в семье и гендерно-ролевых установках.

Ключевые слова: семейная политика, гендерные роли, женская занятость, Россия, Швеция

Введение

Понятие (не)равенства является ключевым для исследований в сфере как социальной, так и гендерной политики. В последние годы

большое количество литературы посвящено роли социальной политики в развитии институтов гендера и влиянии гендерной политики на процессы дифференциации. Дискуссии об участии женщин в оплачиваемой работе вне дома и о выполнении неоплачиваемой домашней работы концентрируются на роли институтов, которые влияют на формирование гендерных ролей и способствуют возникновению тех или иных образцов распределения труда в обществе и семье.

В данной работе мы анализируем соотношение между различными формами гендерных взаимоотношений, закрепленных в механизмах семейной политики. Они поддерживаются также индивидуальными установками относительно сочетания обязанностей родительства и работы на производстве и реальными семейными практиками. Наш анализ сфокусирован на России и Швеции — странах, которые первыми столкнулись с «концом патриархального закона в современном мире» [Therborn, 2004. P. 73]. Политическое и экономическое развитие обеих стран долгое время основывалось на идеях равенства полов в отношении возможностей занятости и социального обеспечения. Эти процессы сопровождалось введением механизмов государственной политики, целью которых было обеспечение согласованности между занятостью и родительскими обязанностями, а также обеспечение финансовой безопасности тех, кто заботится о зависимых членах семьи. Однако ни одна из систем не признала равноценность домашнего труда и оплачиваемой работы вне дома. Системы социального страхования и обеспечения обеих стран предоставляют возможность осуществлять заботу о детях посредством предоставления финансовых выплат и услуг, доступность и размер которых определяются на основе достижений родителей как наемных рабочих. В таких условиях возможность выбора «карьеры» кормильца и отказ от участия на рынке труда ограничена. Сравнивая Швецию и Россию, мы учитываем существующие значимые различия в уровне социально-экономического развития, которые являются результатом исторических различий в политической и экономической организации. Идеи равенства полов в России были заложены в начале XX века в программе большевиков, которая придавала особое значение необходимости изменения экономических отношений, искоренения эксплуатации женщин-пролетариев и гарантии их экономического благосостояния [Айвазова, 2001]. Доступ российских женщин на рынок труда был стимулирован государственным руководством и закрепился в годы ВОВ в результате больших потерь мужского населения. Шведское правительство также активно стимулировало своих граждан к обеспечению личного социального благосостояния через участие в оплачиваемом труде путем расширения общественного сектора занятости и инвестиций в сферу социальных услуг [Axelsson, 1992]. Мы собираемся продемонстрировать, что, несмотря на различия в обстоятельствах, результатом вышеперечисленных мер в обеих странах явились

схожие типы семейной политики. Представляется чрезвычайно интересным сравнить влияние подобной политики на установки относительно занятости женщин и семейных обязанностей в столь различных национальных контекстах.

Общепризнано, что государственная социальная политика является значимым фактором в структурировании образцов женской занятости [Esping-Andersen, 1990; Lewis, 1992; Orloff, 1993]. Используя данные Международной программы социальных исследований, модуль «Семья и изменяющиеся гендерные роли» II и III (1994 и 2002 годы), мы предполагаем выяснить, значима ли она в регулировании индивидуальных нормативных установок и практик. Данные, полученные в ходе исследования, позволяют предположить, что семейная политика способствует обеспечению занятости женщин, но не обязательно влечет за собой изменения в семье и гендерно-ролевых установках.

Гендерные отношения и социальная политика

Прежде чем перейти к анализу данных, мы хотим обратиться к понятию «всеобщей социальной организации труда», предложенной Глюкман [Glucksmann, 1995; Glucksmann, 2005]. Это понятие связывает воедино различные виды труда в попытке преодолеть раздвоенность понятий «производство» и «воспроизводство», подчеркивая их взаимодополняемость и взаимозависимость. Различия в системах семейной политики в большой степени базируются на том, какие аспекты (не)трудовой деятельности женщин выдвигаются в качестве принципов социального обеспечения: семейный статус, материнство и/или статус наемных работников [Lewis, 1992; Sainsbury, 1996]. Нами выбран теоретический подход, который классифицирует разнообразие гендерных практик в системе социального обеспечения на основе двухмерной оценки мужских / женских ролей как работников и лиц, осуществляющих уход (за детьми)¹.

Льюис [Lewis, 1992] впервые выделила три «гендерно-чувствительных» идеальных типа организации социального обеспечения: *сильная, модифицированная* и *слабая* модели «мужчина-кормилец» (МК). Исторически *сильная* модель МК рассматривает женщину как второстепенного «добытчика», что в целом приводит к низкому уровню участия женщин на рынке труда. Общее семейное налогообложение, скудные пособия и отсутствие услуг по уходу за детьми основываются на предпосылке, что домашним уходом занимаются женщины. В рамках *модифицированной* модели МК экономическая активность женщин достигает высокого уровня и обеспечивается высокий уровень компенсации расходов на воспитание

¹ Мы признаем, что понятие заботы многогранно и не ограничивается воспитанием детей, однако в рамках исследования семейной политики считаем необходимым сконцентрироваться на деятельности по уходу за детьми.

и уход за детьми (в том числе, за счет финансовых взносов работодателей). Сильная пронаталистская направленность мер приводит к преимущественно горизонтальному распределению доходов (то есть между семьями, имеющими и не имеющими детей). Пособия все еще зависят от оценки нуждаемости, и налогообложение по-прежнему общее. Расчет и предоставление социальных субсидий в рамках *слабой* модели МК основывается на трудовом стаже женщин и их выплатах в фонды социального страхования, независимо от брачного статуса, тем самым стимулируя высокий уровень занятости и развитие детских дошкольных учреждений. Пособия выплачиваются на основе принципа универсализма и интерпретируются как временное возмещение дополнительных расходов, а также потери доходов в период отпуска по уходу за ребенком, налогообложение раздельное и прогрессивное.

Типология, предложенная Льюис, повлекла за собой развитие целого направления в исследованиях социальной политики и политики занятости, но вызвала и ряд критических замечаний, в частности вследствие незначительного внимания к выполнению неоплачиваемого труда и заботе о детях. Кромптон [Crompton, 1999] предложила сфокусировать анализ на том, как забота об иждивенцах (и особенно детях) встроена в систему политики благосостояния и рынка труда. Автор разработала новую классификацию, состоящую из пяти идеальных типов, на основе доминирующих образцов разделения труда, варьирующихся между более и менее «традиционными» гендерными отношениями: 1) «мужчина-кормилец / женщина-домохозяйка», 2) «два кормильца / женщина осуществляет домашний уход», 3) «два кормильца / государство обеспечивает уход», 4) «два кормильца / уход обеспечивается за счет рыночных механизмов», 5) «два кормильца / осуществляют уход на равных»¹.

Первый тип «мужчина-кормилец / женщина-домохозяйка» представляет собой крайнюю степень разделения «всеобщей социальной организации труда», сопровождающуюся наиболее традиционными гендерными отношениями и выраженным гендерным неравенством (в этой характеристике модель очень близка к *сильной* модели МК у Льюис [Lewis, 1992]). Подобный порядок в той или иной мере присутствует в «исторической памяти» любого общества в виде гендерной типизации различных видов труда. В то же время в социальной практике эта традиционная модель более или менее размыта. Абстрактная модель «два кормильца / уход на равных» для своей реализации требует радикальной реструктуризации системы занятости и, как и предыдущий тип, в настоящий момент не реализуется на практике ни в одной стране, даже в рамках наиболее либеральных гендерных режимов Скандинавских

¹ В оригинале – «male-breadwinner / female-carer», «dual-earner / female part-time carer», «dual-earner / state-carer», «dual-earner / marketised carer», «dual-earner / dual-carer».

стран (поэтому он не может рассматриваться как аналог *слабой* модели МК). Модели с двумя кормильцами, даже при отсутствии равного распределения заботы о детях между занятыми в труде родителями, представляют собой значительный прорыв в сторону достижения большего социального и гендерного равенства. Оба подхода к категоризации различных моделей семьи представляются нам скорее дополняющими друг друга, нежели взаимоисключающими. Типология Льюис позволяет увидеть, как структура социальной политики формирует образцы разделения труда в обществе, в то время как Кромптон углубляется в более детальный анализ гендерных различий в видах труда, благодаря особому вниманию к организации домашней заботы.

Мы считаем необходимым концептуализировать трудовую занятость и уход за детьми как *внутри*, так и *вне* семьи (в рамках формальной и неформальной заботы), обобщив разнообразие образцов продуктивного и репродуктивного поведения в соответствии с тремя параметрами (рис. 1):

- женская занятость, изменяющаяся от «не существует» до «полный рабочий день»;
- институционализированная система раннего дошкольного образования, обеспечиваемая государством, рынком или добровольными организациями;
- неформально организованная забота о детях, осуществляемая женщиной или обоими родителями в равной мере ¹.

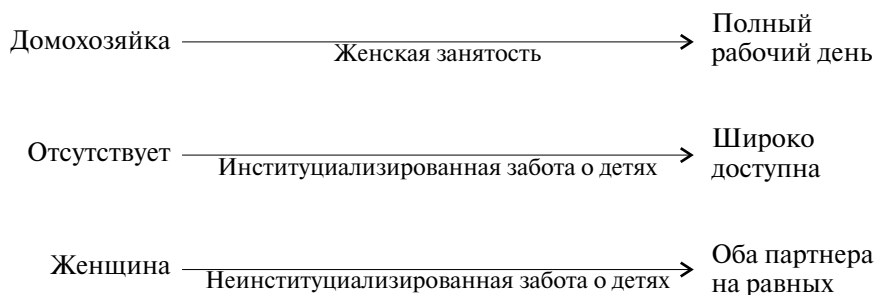

Рис. 1. Параметры анализа вариации гендерных образцов «всеобщей социальной организации труда» [Motiejunaite, 2008]

Возможность массового участия женщин на рынке труда обеспечивается развитием системы общественного ухода за детьми. Бывшие социалистические страны были в числе первых, кто сумел привлечь женскую

¹ Существует еще один, как правило, не подчеркиваемый, параметр концептуализации разделения гендерного труда, а именно мужская занятость. В настоящее время не существует мер семейной политики, которые предоставили бы мужчинам возможность выбора иной роли, кроме кормильца.

рабочую силу к труду на общественном производстве, обеспечив необходимую универсальность услуг детских дошкольных учреждений. Скандинавские страны в последние годы лидируют в мире по уровням женской занятости и обеспеченности услуг. Организация неформальной заботы о детях хотя напрямую и не связана с участием женщин в оплачиваемом труде, однако имеет столь же большое значение для распределения власти и обязанностей внутри домохозяйства, а также опосредованно определяет возможности развития карьеры и профессионального роста женщин.

В статье мы рассматриваем континуум традиционных и менее традиционных гендерных отношений, заложенных в практиках системы социального обеспечения двух стран, с целью определить различия в системах обеспечения / поддержки заботы и ее комбинирования с трудом на общественном производстве. Опираясь на предложенную модель анализа семейной политики и смоделированные идеальные типы гендерного разделения общественного труда, мы строим анализ на трех уровнях: структуре семейной политики и заключенных в ней образцах гендерных ролей, индивидуальных установках и реализуемых практиках по сочетанию труда и заботы о детях.

Семейная политика в России и Швеции: институциональная структура

С самого начала и шведская, и советская системы социальной защиты населения были во многом основаны на базе социального законодательства Бисмарка [Manning, Shaw, 1998; Olsson, 1993]. В нем придавалось большое значение государственному регулированию экономической и социальной политики. В обеих странах обширное использование механизмов (пере)распределения доходов через обременительное налогообложение и общественные фонды было связано с политикой полной занятости, которая отводила значительное место женщине в производстве и экономике. Российские женщины изначально привлекались на традиционно мужские рабочие места в промышленности и сельском хозяйстве. В то же время шведские женщины включались в общественное производство путем расширения сектора услуг. Но в обеих странах со временем сложились достаточно схожие модели сегрегации рынка труда на мужские и женские профессии [Барсукова, 2001; Gornick, Meyers, Ross, 1997; Lewis, Åström, 1992].

В России реформы 1990-х годов негативно сказались на экономической активности населения. Уровень занятости и мужчин, и женщин снизился, достигнув своей низшей точки в 1998 году, и, несмотря на последующее оживление, в 2002 все еще оставался на 10 % ниже по сравнению с 1992 годом. В 2002 году в России уровень занятости населения был в целом ниже, чем в Швеции, при этом разрыв в показателях занятости мужчин и женщин оставался достаточно низким в обеих странах: в Швеции

она достигла 2,9 %, в России — 3,8 % [Госкомстат... 2005. С. 140]. В середине 90-х шведский рынок труда также претерпел изменения, но оставался более благоприятным, чем российский [Motiejunaite, Kravchenko, 2008].

В обеих странах роль женщины как работающей матери поддерживается системой особых льгот, включая пред- и послеродовой отпуска по уходу за ребенком. В процессе постепенного развития социальной политики и политики занятости в России и Швеции сложилась система раздельного налогообложения, государственного сектора дошкольного образования и пособий по компенсации временной нетрудоспособности и/или дополнительных расходов на воспитание детей. Подобные характеристики соотносятся со *слабой* моделью МК, то есть преобладанием домохозяйств с двумя кормильцами. Однако важно рассмотреть более подробно, каким образом регулируется согласование обязанностей на общественном производстве и в домохозяйстве, и что изменилось за последнее десятилетие. Регулирование отпуска по уходу за ребенком и система учреждений дошкольного образования — вот эти два компонента социальной политики, которые напрямую влияют на способность женщин брать на себя оплачиваемый труд. В табл. 1 мы представляем структуру компонентов государственной политики, которые, на наш взгляд, являются ключевыми для обеспечения условий совмещения обязанностей родителей и наемных работников ¹.

Таблица 1
Структура семейной политики 1990–2000-е годы [Kravchenko, 2008]

	<i>Швеция</i>	<i>Россия</i>
Уровень занятости (2002 год) мужа	76.3	72.6
жены	73.4	68.8
Сохранение рабочего места при предоставлении отпуска по уходу за ребенком	да	да
Продолжительность выплат на основе предыдущего заработка (всего недель)	56	18
Продолжительность дополнительного отпуска (всего недель)	13	70
Отпуск по уходу за ребенком	69	88
Размер выплат на основе предыдущего заработка (в процентах к заработной плате в течение последних 12 месяцев, 2005 год)	80	100

¹ Схема анализа впервые была предложена Горник, Мейерс и Росс [Gornick, Meyers, Ross, 1996]. Таблица представляет структуру компонентов государственной политики и ряд ключевых параметров уровня занятости населения в том виде, в каком они сложились к настоящему моменту, со ссылкой на наиболее недавние данные, доступные в официальных публикациях. В тексте мы также описываем, каким образом данная система развивалась в течение последних 15 лет.

Продолжение таблицы

	Швеция	Россия
Охват (в процентах к числу занятых на общественном производстве женщин)	100	100
Размер пособия в течение дополнительного отпуска (в процентах к средней заработной плате, 2005 год)	9	8.2
Обязательный отпуск для отца	да	нет
Охват детей ДДУ (в процентах к числу детей в возрасте от 0 до 7 лет, 2003 год)	63	57.6

Примечание: При расчетах были использованы данные о средней заработной плате и размере пособий за 2005 год. В Швеции они составили соответственно: 997,6 крон/день, 90 крон/день; в России 8554,9 руб./мес-яц, 700 руб./месяц.

Отпуск по уходу за ребенком

В России охрана труда и регулирование декретного отпуска и отпуска по уходу за ребенком остались практически неизменными с советских времен, несмотря на глубокие перемены в социальной сфере. Беременные российские женщины по-прежнему имеют право на оплачиваемый отпуск продолжительностью 18 недель и возможность распределять продолжительность пост- и послеродового отпусков. Размер пособия во время отпуска базируется на размере средней заработной платы женщины за последние 12 месяцев до отпуска, при условии, что средний доход не превышает максимально установленного в размере 15 тыс. рублей в месяц (что превышает размер средней заработной платы почти вдвое)¹. Для тех, кто работал меньше допустимого периода, расчет пособия основывается на минимальном размере оплаты труда. Затем впоследствии все женщины имеют право на 70 недель частично оплачиваемого отпуска, который доступен женщинам со стажем работы по крайней мере один полный год до рождения ребенка, и не зависит от ее предыдущих доходов, будучи предоставленным, как указано выше, в размере 700 рублей (примерно 8,2 % от размера установленной средней заработной платы) (см. табл. 1). Они также имеют право на дополнительный 78-недельный отпуск без содержания [Федеральный закон № 180-ФЗ]. Работающие мужчины с таким же минимальным стажем работы имеют право разделить этот дополнительный отпуск, однако до сих пор отсутствуют статистические данные о том, в какой мере это право используется на практике.

¹ Здесь и далее при расчетах использованы данные о средних размерах месячной заработной платы и размерах пособий, приведенных в примечании к табл. 1.

Шведская система предоставления отпуска по уходу за ребенком существует с 1937 года. Принятая первоначально в форме отпуска по беременности и родам, она постепенно охватила обоих родителей с целью предоставлять и мужчинам, и женщинам возможность и работать, и заботиться о детях. В настоящий момент 68 недель отпуска по уходу за ребенком делятся между родителями, в том числе 8 недель предоставлены каждому родителю индивидуально, а оставшиеся 52 недели могут быть разделены между ними (табл. 1). Мать может взять 8 недель отпуска по уходу за ребенком перед рождением. На пособие имеют право оба родителя и могут воспользоваться им в любой момент до исполнения ребенку 8 лет. Для получения пособия родитель должен быть трудоустроен (и застрахован) и проживать в Швеции не менее 12 месяцев. Размер пособия определяется в соответствии со страховым законодательством [Socialförsäkringslagen, 1999. S. 799]. В течение 56 недель он определяется в размере 80 % от средней заработной платы родителя в течение предыдущих 12 месяцев. Так же как и в России установлен не только минимальный размер пособия для тех, кто не соответствует вышеперечисленным условиям, но и максимально возможный размер пособия 18 200 крон в месяц (что соответствует примерно 82 % от размера средней заработной платы). Последующие 13 недель дополнительно в соответствии с законодательно установленным минимумом, не превышающем 9 % от средней заработной платы наемных рабочих (см. табл. 1). Для тех, кто не имеет страховки или имеет прерванный стаж работы более чем 6 месяцев до рождения ребенка, предоставляется только минимальное пособие [Försäkringskassan, 2002].

Дошкольное образование

Организация государственной системы дошкольного образования – другое направление социальной политики, которое мы рассматриваем в рамках семейной политики. Кроме доступности, наиболее важными компонентами услуг являются стоимость и продолжительность. В обеих странах дошкольное образование включено в общую систему образования (в России с 1918 года, в Швеции – с 1996 года) с установленной программой обучения, длительными часами работы, совпадающими с общей продолжительностью рабочего дня родителей, и обеспечением питанием. Система охватывает детей в возрасте от 0 до 7 лет, а также детей школьного возраста в рамках группы продленного дня. И в России, и в Швеции дошкольное образование в основном организовывается органами местного самоуправления и в меньшей степени частными организациями.

Дошкольное образование осуществляется на достаточно высоком уровне и развивалось, несмотря на некоторые колебания, в течение

предыдущей декады в обеих странах. В 2003 году около 60 % детей (в возрасте от 0 до 7 лет) были зарегистрированы в учреждениях дошкольного образования (см. табл. 1). В Швеции затраты родителей на уход за ребенком колеблются в зависимости от ставки, устанавливаемой органами местного самоуправления отдельных коммун, а также от объема услуг, но в среднем они составляют около 20 % доходов домохозяйств или чуть меньше. К сожалению, нам не удалось найти совокупных показателей стоимости подобных услуг в России. До недавнего времени субсидии на дошкольников, основанные на оценке (нужд) потребностей, были единственным путем публичного перераспределения таких затрат. В 2006 году в рамках реализации федерального закона [Федеральный закон № 122-ФЗ] правительство инициировало создание системы компенсации части расходов на содержание детей для всех родителей (от 20 до 70 % оплаты за посещение дошкольного учреждения в зависимости от количества детей) через использование средств бюджетов субъектов РФ. Реализацию этих задач взяли на себя регионы, но пока рано оценивать результаты.

Дополнительная финансовая поддержка

В 1990-х годах Швеция переживала некоторые экономические трудности, результатом которых стал дефицит бюджета, и традиционно высокие расходы на социальную сферу подверглись неизбежным корректировкам. Прямые денежные выплаты возросли в начале 1990-х и были сокращены только в период правления консервативной партии в 1994–1996 годах, а в конце десятилетия с возвращением к власти социал-демократов снова увеличились. Последовала отмена вычетов из налогообложения для супружеских пар или для родителей-опекунов. Были расширены возможности для частных поставщиков социальных услуг. Так, доля частных учреждений дошкольного воспитания возросла на 10 % к 1999 году по сравнению с 1990 годом и составила около 15 % от общего числа ДДУ [Blomqvist, 2004]. Несмотря на то, что первоначальное стремление к высокому уровню общественной поддержки женской занятости осталось неизменным [Lindbom, Rothstein, 2004], в 1994 году консервативным партиям удалось провести в жизнь весьма противоречивый закон, позволявший *матерям* отложить момент возвращения на работу после окончания отпуска по уходу за ребенком за счет дополнительного пособия. В качестве основного условия был отказ от помещения его в ДДУ до достижения трехлетнего возраста. Это нововведение, с одной стороны, было направлено на удовлетворение потребностей детей (и родителей) в продолжительном домашнем уходе, а с другой стороны, отсрочивая возобновление рабочей деятельности, могло угрожать их положению на рынке труда и социальной безопасности в долгосрочной перспек-

тиве. Закон был отменен почти сразу же после смены правящей партии, но до сих пор остается предметом горячих общественных дебатов.

В России приватизация и экономические трудности, которые сопутствовали переменам 1990-х годов, разрушили механизмы социального обеспечения, сложившиеся в условиях административно-командной системы. Вследствие экономического коллапса государство не смогло обеспечить достаточно широкого спектра универсальных пособий, и способность сохранившейся системы социальной помощи компенсировать значительные потери благосостояния резко уменьшилась. Затраты на семейные пособия по сравнению с другими социальными расходами были значительно снижены (с 77,3 % в 1991 до 54,4 % в 2002 году) [Госкомстат... 2003. С. 198]. Однако следует избегать прямой интерпретации этих изменений на обобщенном статистическом уровне и их влиянии на семьи, так как изменилась структура социальных расходов в целом, появились новые категории и виды помощи, например страхование от безработицы и обслуживание на дому пожилых. К тому же, наряду со значительным сокращением государственной финансовой поддержки воспитания детей и ростом социальной незащищенности, резко снизился уровень рождаемости (число живорожденных детей на 100 женщин в возрасте 15–49 лет упало с 55,2 в 1990 году до 35,2 в 2002 году) [Госкомстат... 2006. С. 193]. Соответственно, затраты на выплату единовременных пособий беременным женщинам снизились с 77,3 % от всех расходов на социальные нужды в 1991 до 33,8 % в 2002 году. В то же время единовременная помощь на рождение возросла с 4,1 % от всех расходов на социальные нужды в 1991 году до 6,7 % в 2002. И что самое важное, пособие по беременности и родам возросло с 0,2 % в 1991 году до 4,0 % в 2002 году [Госкомстат... 2003. С. 198].

Ряд исследователей указывают на глубокие изменения в гендерном укладе и разделении общественного труда в результате трансформации российской социально-экономической системы [Журженко, 2004; Темкина, Роткирх, 2003]. Советская гендерная политика предполагала широкое трудовое участие женщин и продвигала схожую со шведской модель «два кормильца / государство обеспечивает уход». Но одновременно не принималось никаких мер для более равноправного разделения труда в частной сфере, что способствовало закреплению «двойного бремени» женщин в виде оплачиваемого и домашнего труда. Последнее позволило Эйнхорн назвать социалистический эгалитаризм «ложным» и «традиционалистским» [Einhorn, 1993. P. 45].

Многие исследователи предполагали, что в результате постсоветской либерализации гендерных отношений и исчезновения общественного контроля за трудовой деятельностью женщины смогут активно воспользоваться «правом не работать» [Lissytkina, 1993] и даже «восстановить» традиционно заданную гендерную идентичность в качестве важного компонента ностальгии по «нормальности» [Watson, 1993].

Р. 472–473]. Тем не менее, на наш взгляд, анализ общей структуры семейной политики не позволяет говорить о кардинальных изменениях в реализации гендерного контракта, по крайней мере, в той его части, которая касается участия женщин в общественном производстве. Большинство проблем настоящего были унаследованы от прошлых практик.

В сравнительной перспективе, несмотря на большие различия, системы семейной политики России и Швеции признают права женщин на занятость наравне с мужчинами и предоставляют им возможность реализовывать право на индивидуальные доходы и социальную защищенность. Для женщин, имеющих детей, гарантируется возможность работать, компенсируется снижение доходов во время отпуска по уходу за ребенком. Однако в обеспечении участия мужчин в обслуживании домохозяйства и выполнении ухода за детьми заметны значительные различия между системами. В России существует система дневного пребывания детей, в то время как оба родителя заняты на службе, но забота о детях в течение отпуска по уходу за ребенком остается в большинстве случаев прерогативой женщин.

Возвращаясь к предложенной выше схеме концептуализации образцов «всеобщей социальной организации труда» (рис. 1), на основании анализа структуры семейной политики можно сделать вывод, что по двум направлениям – женская занятость и институционализация заботы о детях – Россия и Швеция достигают схожих результатов, а различия наблюдаются в сфере неформализованной заботы о детях. Российская модель семьи может быть сформулирована как модель «два кормильца / государство и женщина осуществляют уход». В Швеции семейная политика ориентирована на разделение обязанностей по уходу за детьми между супругами и может быть названа моделью «два кормильца / государство и оба супруга осуществляют уход».

Далее нас интересует, обусловлены ли политический и экономический выборы нормативными ориентациями, и отражены ли они в семейных практиках населения. Следующая часть посвящена анализу гендерно-ролевых установок и повседневного поведения на основе данных Международной программы социальных исследований, модуль «Семья и изменяющиеся гендерные роли» (1994, 2002)¹. Анализ был проведен в три этапа для модулей 1994 и 2002 годов отдельно². Сначала на основе

¹ International Social Survey Program «Family and Changing Gender Roles». Здесь и далее – наш перевод с английского.

² Данные получены на основе трехступенчатой региональной выборки населения в возрасте 18 лет и старше. В 1994 году анкеты были доставлены респондентам для самостоятельного заполнения по месту жительства (кол-во = 1998). В 2002 году данные были собраны путем интервью «лицом к лицу» с повторным посещением каждого адреса вплоть до 4 раз (кол-во = 1798). Для более детального описания процесса сбора данных см.: International Social Survey Programme (ISSP) [2006].

анализа надежности шкалирования мы определили, какие индикаторы гендерно-ролевых установок формируют независимые шкалы и могут быть использованы в качестве независимых переменных. Затем мы рассмотрели, как фактически распределяются оплачиваемый труд и домашние занятия между полами. Для каждого этапа мы ограничили выборку респондентами, в ответах которых не было пропущенных данных ни по одной из выбранных переменных, а для корректировки возможных отклонений был использован весовой коэффициент.

Нормативные установки

Модули «Семья и изменяющиеся гендерные роли» (1994 и 2002 годы) включают несколько высказываний, которые оценивают субъективные установки относительно роли женщины в семье и женской занятости. Как было установлено ранее, существуют теоретические и эмпирические основания для выделения подкатегорий при измерении гендерных нормативных установок [Alwin, Braun, Scott, 1992; Scott, Alwin, Braun, 1996; Scott, Duncombe, 1992]. Пользуясь терминологией Шеберга [Sjöberg, 2002], мы сконструировали две шкалы, каждую на основании двух высказываний:

(1) «Последствия женской занятости» (ПЖЗ):

- если женщина работает полный рабочий день, это в целом плохо сказывается на всей семейной жизни;
- работа матери плохо сказывается на ребенке дошкольного возраста.

(2) «Гендерные установки» (ГУ):

- дело мужа – зарабатывать деньги, а дело жены – вести рабочее хозяйство;
- работа – это хорошо, но на самом деле большинство женщин хотело бы заниматься только домом и детьми ¹.

Как отражено в названии, первая шкала измеряет, как респондент относится к полной занятости женщин с точки зрения ее влияния на семейные отношения и благополучие детей дошкольного возраста. В первом высказывании оценивается эффект женской занятости полный рабочий день, во втором – последствия для семьи на определенном этапе ее жизнедеятельности. Вторая шкала измеряет более общие представления о надлежащих ролях для мужчин и женщин, соотнося их с идеалом «мужчина-кормилец, женщина-домохозяйка». Обе шкалы разработаны на основе пяти параметров, с ранжированием от –4 (сильная поддержка традиционных установок) до +4 (слабая поддержка традиционных уста-

¹ Ответы на вопросы были сформулированы по шкале Лейкерта («совершенно согласен», «согласен», «ни согласен ни не согласен», «не согласен», «совершенно не согласен») и кодированы таким образом, чтобы отрицательные ответы указывали на более традиционные гендерные установки респондентов, тогда как положительные – на более либеральные.

новок)¹. В табл. 2 содержатся основные статистические показатели шкалирования. Обе шкалы демонстрируют довольно высокий уровень внутренней согласованности, показатель надежности-согласованности альфа Кронбаха варьируется от 0.58 до 0.8, более высокие значения достигаются по шкале ПЖЗ.

Таблица 2

Основные показатели статистического анализа гендерных установок

	Россия		Швеция	
	1994	2002	1994	2002
<i>Последствия женской занятости</i>				
Среднее значение	-1.83	-1.23	0.57	1.05
Среднеквадратическое отклонение	1.73	1.9	2.13	2.2
альфа Кронбаха	0.69	0.73	0.76	0.8
N	1847	1738	1366	1019
<i>Гендерные установки</i>				
Среднее значение	-1.37	-0.96	1.03	1.51
Среднеквадратическое отклонение	1.86	1.84	1.85	1.88
альфа Кронбаха	0.58	0.58	0.58	0.68
N	1759	1702	1285	975

Как показывают значения средних величин, нормативные установки были более «традиционны» в России, чем в Швеции по результатам обоих модулей², разница в средних значениях между странами по обеим шкалам составила 2,4. Примечательно, что к 2002 году нормативные установки в обеих странах стали более «либеральны»³. Оценка последствий, к которым может привести участие женщин в общественном производстве, на семейные отношения и воспитание детей стала менее негативной. Традиционные социальные роли (мужчина-кормилец, женщина-домохозяйка) стали пользоваться меньшей поддержкой в обеих

¹ В данном контексте под традиционными установками мы понимаем приверженности модели «мужчина-кормилец / женщина осуществляет заботу» или «сильной модели мужчина-кормилец» в терминологии Кромптон и Льюис соответственно.

² Различия между странами были статистически значимы по обеим шкалам. По шкале «Последствия женской занятости» в 1994 году разница средних значений достигла 2.4 ($t = 34$; $df = 2577$; $p < .001$), в 2002 году – 2.3 ($t = 28$; $df = 1893$; $p < .001$). По шкале «Гендерные установки» в 1994 году разница средних значений равнялась 2.4 ($t = 35$; $df = 3042$; $p < .001$), в 2002 году – 2.5 ($t = 33$; $df = 2675$; $p < .001$).

³ По шкале «Последствия женской занятости» в России разница средних значений составила 0.6 ($t = -9.3$; $df = 3498$; $p < .001$), в Швеции – 0.5 ($t = -5.12$; $df = 2202$; $p < .001$). По шкале «Гендерные установки» в России разница средних значений равнялась 0.4 ($t = -6.7$; $df = 3471$; $p < .001$), в Швеции – 0.4 ($t = -5.8$; $df = 2090$; $p < .001$).

странах за 8-летний промежуток между двумя волнами исследований. В 2002 году разница между средними значениями для России и Швеции по шкале ПЖЗ незначительно уменьшилась, но увеличилась по шкале ГУ. Шведские установки изменялись в сторону менее традиционных по обоим шкалам с одной и той же разницей – 0.5. В России они менялись быстрее по шкале ПЖЗ, чем по шкале ГУ, что позволяет предположить, что идеал *сильной* модели МК оказался более устойчивым по сравнению с оценкой двойственной роли женщины.

В целом и для России, и для Швеции присутствуют статистически значительные различия между двумя временными моментами:

- шкала ПЖЗ, Россия $t = -9.3$; $df = 3498$; $p < .001$, Швеция $t = -5.12$; $df = 2202$; $p < .001$;
- шкала ГУ, Россия $t = -6.7$; $df = 3471$; $p < .001$, Швеция $t = -5.8$; $df = 2090$; $p < .001$.

Примечателен также значительный разрыв в показателях среднеквадратического отклонения по шкале ПЖЗ для обеих волн исследования в Швеции. Более низкие значения среднеквадратического отклонения в России довольно неожиданны, учитывая большие размеры территории и количество населения, а также разнородность культурных укладов, религии, экономики, этничности разных регионов. Поскольку уровень занятости женщин по России достаточно высок, такой традиционализм может быть объяснен не только как форма сопротивления советскому государственному феминизму [Темкина, Роткирх, 2003; Therborn, 2004] и / или экономической нужде, которая не оставляет возможности выбора [Антонов, 1995; Антонов, Борисов, 1990; Дармодехин, 2001; Плотников, 2001]. Он связан и с устойчивой идеализацией материнства, которая не исключает участия на рынке труда.

Несмотря на подчеркнутую идеализацию материнства в рамках публичного дискурса, снижение уровня занятости женщин, увеличение разрыва в доходах между мужчинами и женщинами и зависимость доходов от брачного статуса, экономические проблемы и общий низкий уровень доходов способствовали сохранению участия женщин на рынке труда. В исследование, результаты которого послужили эмпирической базой данной статьи, к сожалению, не были включены вопросы о трудовых мотивациях женщин и их готовности посвятить себя исключительно заботе о детях и домашнему труду. Международные исследования на эту тему показывают, что в целом сложно говорить о негативном отношении женщин к труду в посткоммунистических странах. Ссылаясь на результаты исследований Международной организации труда (МОТ), Паукерт [Paukert, 1991] сообщила, что еще в 1989 году 40 % опрошенных в Чехословакии женщин выражали несогласие отказаться от трудовой занятости, если доходы их партнеров существенно возрастут. В Болгарии 70 % опрошенных в рамках социологического исследования

женщин выразили предпочтение работать даже в случае полной финансовой обеспеченности [Petrova, 1993].

Существующие модели семьи: работа на производстве и домашний труд

Повседневные практики разделения «всеобщей социальной организации труда» мы анализируем посредством выделения образцов занятости (табл. 3) и выполнения рутинной домашней работы (табл. 4). Данные о статусе занятости респондентов и их супругов были объединены в 3 категории: (1) полная занятость (более 35 часов в неделю); (2) неполная занятость (менее 35 часов в неделю) и (3) неработающие. Комбинация этих трех категорий с полом респондента приводит к созданию шести возможных моделей семьи (см. табл. 3). Категория «оба с полной занятостью» содержит тех респондентов, которые работали полный рабочий день в течение исследования, и чьи супруги также работали полный рабочий день. Категория «мужчина с полной занятостью, женщина с неполной занятостью» включает респондентов-мужчин, работающих полный рабочий день и чьи жены / партнеры работают неполный рабочий день, а также респонденты-женщины, чьи мужья / партнеры заняты неполный рабочий день. Другие категории были получены по тому же принципу.

Таблица 3

Разнообразие форм занятости в гендерной перспективе, в процентах от числа респондентов, включенных в анализ

	<i>Россия</i>		<i>Швеция</i>	
	<i>1994</i>	<i>2002</i>	<i>1994</i>	<i>2002</i>
Оба работают полный рабочий день	37.5	39.6	29.9	33.6
Мужчина – полная занятость, женщина – неполная занятость	7.6	9.1	27.4	24.1
Мужчина – полная занятость, женщина – не работает	24.5	20.9	13.3	14.3
Женщина – полная занятость, мужчина – неполная занятость	4.0	1.5	1.0	1.7
Женщина – полная занятость, мужчина – не работает	9.1	4.6	4.9	3.5
Другое (оба не работают или заняты неполный рабочий день)	17.5	24.3	23.5	22.9
N	742	856	768	631

Обе категории с «полной занятостью» могут рассматриваться как модель «два кормильца» или сильная модель «мужчина-кормилец».

Мы показали выше, что структура семейной политики стимулирует развитие и функционирование такой модели семьи. Как и ожидалось, данный тип семейного устройства был наиболее распространен в обеих странах, в России достигая почти 40 %, в Швеции почти 30 % всех семей. Распространенность данного типа семейного устройства возросла в обеих странах в соответствии с переменами в гендерно-ролевых установках.

Таблица 4

Разделение домашнего труда

	<i>Жен.</i>	<i>Вместе</i>	<i>Муж.</i>	<i>Др. чел</i>	<i>N</i>
<i>Россия, 1994 год</i>					
Стирка	93.2	5.5	0.4	0.9	1394
Мелкий ремонт по дому	0.8	1.1	90.5	7.7	1394
Уход за больными в семье	41.6	55.2	1.1	2.1	1347
<i>Россия, 2002 год</i>					
Стирка	80.2	13.3	5.2	1.4	1024
Мелкий ремонт по дому	9.3	9.6	77.0	4.0	1019
Уход за больными в семье	42.3	51.2	4.9	1.6	985
<i>Швеция, 1994 год</i>					
Стирка	80.4	16.2	3.2	0.2	901
Мелкий ремонт по дому	2.1	13.4	81.8	2.7	897
Уход за больными в семье	41.4	55.6	2.0	1.1	846
<i>Швеция, 2002 год</i>					
Стирка	73.6	19.7	6.3	0.4	812
Мелкий ремонт по дому	4.6	15.5	77.0	2.9	805
Уход за больными в семье	41.1	54.5	4.0	0.4	718

Примечание: Данные получены в результате анализа ответов на вопрос: «Кто в Вашей семье занимается следующими делами?».

Меньшее количество респондентов с частичной занятостью в России, в сравнении со Швецией, объясняется унаследованной с советских времен незначительной долей подобных рабочих мест в структуре занятости. Соответственно, модель семьи с частичной занятостью и мужчин, и женщин насчитывает только около 10 % в России. В Швеции каждая четвертая семья имеет «одного с половиной» кормильца. Мужчины обычно работают полный рабочий день в такой модели семьи, в то время как их жены / партнеры заняты частично. Семей с одним заработком в России было гораздо больше, чем в Швеции. В 1994 году в каждой третьей российской семье работали только мужчина или женщина, в 2002 году – в каждой четвертой.

В Швеции такие семьи составили только 17–18 % от общего числа опрошенных. Аналогично в 1994 году было гораздо больше семей с женщиной-кормильцем в России: в 9 % семей женщины были заняты полный рабочий день, в то время как их мужья не работали. В 2002 году пропорция уменьшилась почти наполовину, упав до шведского уровня. Эта перемена может отражать значительные изменения в российском обществе в начале 1990-х годов, когда уровень занятости и мужчин, и женщин сильно упал. Семьи не смогли справиться с нестабильной экономической ситуацией, таким образом, как это ни парадоксально, наряду с выражением высокого уровня поддержки «традиционной» *сильной* модели МК, сохранялась большая пропорция домохозяйств с женщиной – главой семьи.

На следующем этапе мы рассмотрели распределение домашнего труда между партнерами ¹. Результаты анализа были едва ли неожиданными, обнаруживая четкие образцы гендерной типизации видов домашнего труда в обеих странах. Например, стирка белья осуществлялась преимущественно женщинами (максимально зарегистрированная частота проявления 93,2 % в России в 1994 году и минимальная – 73,6 % в Швеции в 2002 году). Мелкий ремонт по дому, наоборот, являлся преимущественно мужским видом домашнего труда, достигая наивысших значений в 1994 году в России – 90,5 % и наименьших в 2002 году в Швеции – 77 %. Уход за больным членом семьи, который, ввиду отсутствия прямого измерения заботы о детях, можно интерпретировать как косвенный индикатор распределения родительских обязанностей, был распределен почти одинаково между двумя странами. При этом в среднем в около 40 % случаев женщина брала на себя эту задачу, в 50–55 % домохозяйств, из числа включенных в опрос, забота о больных членах семьи делилась между партнерами или осуществлялась ими вместе ².

¹ В 1994 году, помимо приведенных выше подкатегорий вопросов, вопросник включал следующие виды домашнего труда: «Покупает муку, крупу, сахар» и «решает, что будет на обед». В 2002 году эти категории были изменены на «покупает продукты», «убирает квартиру / дом» и «готовит еду». При выборе переменных для анализа мы руководствовались не только согласованностью ответов на поставленный вопрос в обоих вопросниках, но и их способностью отразить разнообразие «типизации» различных практик на мужские и женские. Разница в вопросниках заключалась также в формулировке альтернативных ответов на поставленный вопрос. В 1994 году они основывались на поле респондента партнера: «всегда / обычно жена», «всегда / обычно муж», а в 2002 году – безотносительно к полу: «всегда / обычно я сам(а)», «всегда / обычно супруг(а)». Для устранения несоответствия мы перекодировали ответы в 2002 году в соответствии с полом респондента. Кроме того, категории «всегда / обычно» по каждому отдельному признаку были объединены в одну категорию.

² Ряд исследователей высказывали критику в адрес методологии исследования распределения обязанностей, не включающей вопросов о конкретном количестве часов (или части дня), которое тратится на их выполнение [Fuwa, 2004; Hook, 2006]. И хотя в каждой из стран проводятся исследования бюджетов времени, ввиду сложностей проведения сравнительного анализа мы используем имеющиеся данные, отдавая себе отчет в ограниченности выводов, которые можно сделать на их основе.

Основные различия между странами касаются количества домашней работы, которая осуществляется при содействии других лиц или партнерами вместе / поровну. Примечательно, что в России третьи люди привлекались к выполнению домашних работ несколько больше, чем в Швеции. Последнее не означает более активного привлечения оплачиваемого домашнего труда в России, но может также быть объяснено гораздо меньшим распространением проживания в расширенных семьях в Скандинавии по сравнению с Россией. Как уже упоминалось, забота о детях осуществлялась преимущественно вместе, но в отношении остальных видов работ показатели для России значительно отставали от шведских. Различия в показателях, согласно статистической диагностики, были существенны для двух из трех перечисленных категорий ¹.

С течением времени разница в показателях сохранилась, хотя и наметилась тенденция к ее уменьшению ². Увеличилась доля домохозяйств, в которых стирка белья и ремонт по дому выполнялись партнерами вместе / на равных, кроме того респонденты и их партнеры стали несколько больше брать на себя обязанности, традиционно приписываемые противоположному полу. В Швеции статистически значимые изменения наблюдаются по двум переменным: «стирка» ($c^2 = 14.314$; $df = 3$; $p < .005$) и «мелкий ремонт» ($c^2 = 10.565$; $df = 3$; $p < .05$). Среди российских респондентов изменения в практиках были статистически существенными по всем трем переменным: «стирка» ($c^2 = 107.615$; $df = 3$; $p < .001$), «ремонт» ($c^2 = 214.609$; $df = 3$; $p < .001$), «уход за больными» ($c^2 = 32.148$; $df = 3$; $p = 0.001$). В целом, несмотря на то, что разделение домашнего труда далеко от равного, с течением времени наметились изменения в сторону увеличения числа домохозяйств с более равным / совместным выполнением домашних работ.

Заключение

Мы рассмотрели результаты реализации мер государственной семейной политики, обеспечивающих занятость женщин по трем направлениям: (1) анализ официальных мер, отраженных в системе социального страхования, социальных услуг социальной помощи и системы образования, (2) оценка гендерно-ролевых установок, (3) рассмотрение фактических семейных практик разделения оплачиваемого труда и неоплачиваемого домашнего труда. И в Швеции, и в России общественные

¹ Результаты статистической диагностики: 1994 год – «стирка» $c^2 = 106.029$; $df = 3$; $p < .001$ и «мелкий ремонт» $c^2 = 176.069$; $df = 3$; $p < .001$; «уход за больными в семье» $c^2 = 6.055$; $df = 3$; $p = 0.109$; 2002 год – «стирка» $c^2 = 19.935$; $df = 3$; $p < .001$ и «мелкий ремонт» $c^2 = 28.478$; $df = 3$; $p < .001$; «уход за больными в семье» $c^2 = 7.067$; $df = 3$; $p = 0.070$.

² Такой вывод следует из меньшего значения c^2 в 2002 году по сравнению с 1994 годом (см. предыдущую ссылку).

механизмы распределения доходов базируются на участии граждан на рынке труда и в той или иной степени обеспечивают равенство полов в этой сфере. Самые очевидные результаты мероприятий семейной политики отражены в исключительно высоком уровне экономической активности женщин и мужчин в обеих странах, но более глубокий анализ структуры ее реализации раскрывает важные отличия.

Шведская политика признает важность разделения домашних обязанностей в домохозяйстве между партнерами и предпринимает попытки стимулировать мужчин участвовать в заботе о детях, таким образом, постепенно трансформируя модель «два кормильца / государство осуществляет уход» в модель «два кормильца / государство и родители осуществляют уход на равных». Российская политика в советское время продвигала другую разновидность слабой модели МК, возлагая весь груз работы по дому на женщин и оставляя без внимания идею о необходимости равного распределения домашних обязанностей. В настоящий момент можно говорить о сложившейся модели «два кормильца / государство и женщина осуществляют уход».

Несмотря на высокий уровень участия женщин на рынке труда в обеих странах и существенном сходстве семейной политики, гендерно-ролевые установки тем не менее значительно отличаются в Швеции и России. В Швеции высокий уровень поддержки свободы семейных ролей и женской занятости дополнительно возрос в период с 1994 по 2002 годы, приближая таким образом гендерные установки к официальной идеологии. Государственная поддержка равных прав женщин на рынке труда и постоянное распространение модели семьи с двумя супругами, осуществляющими уход, по всей видимости, повлияли на индивидуальные установки. Напротив, российское население в 1994 году выражало широкую поддержку модели семьи с сильным мужчиной-кормильцем. С течением времени российские установки относительно двойственной роли женщины изменялись быстрее, чем в Швеции, но и в 2002 году предпочтение сильной модели МК сохранялось стабильным.

Влияние семейной политики и экономическая необходимость иметь двойной доход отражены в фактической организации семейной жизни. В обеих странах модель «два кормильца» доминировала и пропорционально возрастала с течением времени. Одно из главных отличий относится к модели семьи «один с половиной доход» (полная занятость мужчины, частичная занятость женщины), которая гораздо больше распространена в Швеции. Это наблюдение подчеркивает негибкость российского рынка труда, где неполная занятость встречается редко. Соответственно, количество семей только с одним или двумя кормильцами гораздо больше в России, чем в Швеции. Тот факт, что в 1994 году почти в 10 % полных российских семей основным кормильцем являлась женщина, позволяет предположить, что экономические возможности жен-

щин на рынке труда не проигрывали по сравнению с возможностями мужчин даже в самый переломный период реформ, указывая также на готовность женщин принять на себя обязанности главного кормильца.

Серьезнейшие изменения в обществе и экономике соотносятся с огромными противоречиями между традиционными установками и экономическим поведением в семьях. Некоторые виды домашнего труда довольно четко подразделялись на «типично» мужские (мелкий ремонт по дому) и «типично» женские (стирка белья). Несмотря на увеличивающуюся автоматизацию домашнего труда (например, стирка в современных условиях городской среды редко осуществляется непосредственно вручную), тенденции к его гендерной нейтрализации не наблюдалось. В то же время уход за больным членом семьи больше чем в половине случаев выполнялся обоими партнерами. За период между двумя волнами исследования в обеих странах распределение обязанностей по ведению домашнего хозяйства стало менее «типично», и в 2002 году образцы занятости партнеров в оплачиваемом и неоплачиваемом труде стали больше соответствовать друг другу.

Возвращаясь к нашему главному вопросу, каково же отношение между семейной политикой, гендерно-ролевыми установками и реальным поведением в семьях, отметим, что данные, полученные в ходе исследования, позволяют предположить, что семейная политика определяет высокую занятость женщин, но не влияет на нормативные ориентации. Образцы занятости семей отражают семейную политику и структуру рынка труда, но не отражают восприятия людьми приемлемого поведения женщин и мужчин. Тем не менее изменение в сторону менее традиционных установок соответствует увеличению числа семей с двумя кормильцами.

Расширение политических механизмов, обеспечивающих условия для осуществления совместной заботы в России, может привести к либерализации нормативных установок, принятию более равноправных практик по распределению неоплачиваемой занятости. В 2006 году в Швеции, как и 12 лет назад, парламентские выборы привели в правительство альянс правых партий, который начал свою работу с пересмотра страхового законодательства. В России за последние два года также произошли изменения в регулировании мер по поддержке семей с детьми [Федеральный закон № 256-ФЗ]. Какие последствия для гендерного распределения труда и нормативных установок населения эти мероприятия могут повлечь за собой, нам предстоит еще оценить.

Список литературы

- Айвазова С. Г.* Гендерное равенство в контексте прав человека. М.: Эслан, 2001.
Антонов А. И., Борисов В. А. Кризис семьи и пути его преодоления. М.: Институт социологии АН СССР, 1990.

Антонов А. И. Стратегия фамилистических исследований и политика «семейной приватизации» // *Семья в России*. 1995. Т. 1–2.

Барсукова С. Ю. Модели успеха женщин советского и постсоветского периодов: идеологическое мифотворчество // *Социологические исследования*. 2001. №. 2. С. 75–82.

Госкомстат. Российский статистический ежегодник. 2002. М.: Госкомстат, 2003.

Госкомстат. Российский статистический ежегодник. 2004. М.: Госкомстат, 2005.

Госкомстат. Российский статистический ежегодник. 2005. М.: Госкомстат, 2006.

Дармодехин С. В. Семья и государство. М.: НИИ Семья, 2001.

Журженко Т. Старая идеология новой семьи: демографический национализм России и Украины // *Семейные узы: модели для сборки* / Под ред. С. Ушакина. М.: Новое Литературное Обозрение, 2004. С. 268–296.

Плотников А. Д. Государственная семейная политика в Российской Федерации: тенденции формирования и реализации в 90-х годах XX века: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М.: Московский гуманитарный университет, 2001.

Темкина А., Роткирх А. Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России // *Гендер. Культура. Общество* / Под ред. И. Новиковой. Рига: Проект «Женщины Балтии», 2003. С. 58–97.

Федеральный закон от 22 декабря 2005 года № 180-ФЗ «Об отдельных вопросах исчисления и выплаты пособий по временной нетрудоспособности, по беременности и родам и размерах страхового обеспечения по обязательному социальному страхованию от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний в 2006 году».

Федеральный закон от 22 августа 2004 года № 122-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов “О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»».

Федеральный закон от 22 декабря 2006 года №256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей».

Alwin D. F., Braun M., Scott J. The Separation of Work and Family: Attitudes Towards Female Labour Force Participation in Germany, Great Britain and the United States // *European Sociological Review*. 1992. Vol. 8(1). P. 13–36.

Axelsson C. Hemmafrun som försvann: övergången till lönearbete bland gifta kvinnor i Sverige 1968–1981. Stockholm: Stockholm Universitet, 1992.

Blomqvist P. The Choice Revolution: Privatization of Swedish Welfare Services in the 1990s // *Social Policy and Administration*. 2004. Vol. 38(2). P. 139–155.

Buckley M. Post-Soviet women: from the Baltic to Central Asia. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.

Corrin C. Superwomen and the double burden: women's experience of change in Central and Eastern Europe and the former Soviet Union. London: Scarlet Press, 1992.

Crompton R. Restructuring gender relations and employment: the decline of the male breadwinner. Oxford: Oxford University Press, 1999.

Crompton R. Employment and the family: the reconfiguration of work and family life in contemporary societies. New York: Cambridge University Press, 2006.

Einhorn B. Cinderella goes to market: citizenship, gender and women's movements in East Central Europe. London: Verso, 1993.

Esping-Andersen G. The Three Worlds of Welfare Capitalism. New Jersey: Princeton University Press, 1990.

Fuwa M. Macro-Level Gender Inequality and the Division of Household Labour in 22 Countries // *American Sociological Review*. 2004. Vol. 69(9). P. 751–767.

Försäkringskassan. Förelädrapening. Enheten för barn och familj. 2002. Дата обращения к ресурсу [25.07.2006]. Доступно по адресу: <http://www.forsakringskassan.se/omforsakringskassan/publikationer>.

Glucksmann M. Why 'work'? Gender and the 'total social organization of labour' // *Gender, Work & Organization*. 1995. Vol. 2(2). P. 63–75.

Glucksmann M. Shifting boundaries and interconnections: Extending the 'total social organisation of labour' // *Sociological Review*. 2005. Vol. 53. P. 19–36.

Gornick J., Meyers M. and Ross K. Supporting the Employment of Mothers: Policy Variation Across Fourteen Welfare States // *Journal of European Social Policy*. 1997. Vol. 7 (1). P. 45–70.

Hiilamo H. Changing Family Policy in Sweden and Finland During the 1990s // *Social Policy and Administration*. 2004. Vol. 38(1). P. 21–40.

Hook J. Care in Context: Men's Unpaid Work in 20 Countries, 1965–2003 // *American Sociological Review*. 2006. Vol. 71 (August). P. 639–660.

International Social Survey Programme (ISSP) [15.04.2006]. Доступно по адресу: http://www.gesis.org/en/data_service/issp.

Kravchenko Z. Family (versus) Policy. Rethinking Reconciliation of Work and Care in Russia and Sweden. 2008. В печати.

Lewis J. Gender and the Development of Welfare Regimes // *Journal of European Social Policy*. 1992. P. Vol. 2(3). 159–173.

Lewis J., Åström G. Equality, Difference and State Welfare: Labour Market and Family Policies in Sweden // *Feminists Studies*. 1992. Vol. 18(1). P. 59–87.

Lindbom A., Rothstein B. The Mysterious Survival of the Swedish Welfare State. Paper presented at Conference of the American Political Science Association. September 2–5, Chicago, USA. 2004.

Lissytkina L. Soviet women in the crossroads of perestroika // *Gender politics and post-communism: reflections from Eastern Europe and the former Soviet Union* / N. Funk and M. Mueller (Eds). New York: Routledge, 1993. P. 274–286.

Manning N., Shaw I. The Transferability of Welfare States: a Comparison of the Scandinavian and State Socialist Models in Relation to Finland and Estonia // *Social Policy and Administration*. 1998. Vol. 32(5). P. 572–590.

Motiejunaite A. Female Employment, Gender Roles and Attitudes: Baltic Countries in a Broader Context. 2008. В печати.

Motiejunaite A., Kravchenko Z. Family policy, employment and gender-role attitudes: a comparative analysis of Russia and Sweden // *Journal of European Social Policy*. 2008. Vol. 18(1). P. 38–49.

Olsson S. E. Social Policy and Welfare State in Sweden. Lund: Arkiv, 1993.

Orloff A. S. Gender and the Social Rights of Citizenship: The Comparative Analysis of Gender Relations and Welfare States // *American Sociological Review*. 1993. Vol. 58. P. 303–328.

Paukert L. The economic status of women in the transition to a market system: The case of Czechoslovakia // *International Labour Review*. 1991. Vol. 130(5/6) P. 613.

Petrova D. The Winding Road to Emancipation in Bulgaria // *Gender politics and post-communism: reflections from Eastern Europe and the former Soviet Union* / N. Funk and M. Mueller (Eds). New York: Routledge, 1993.

Sainsbury D. *Gender, Equality and Welfare States*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.

Scott J., Alwin D. F., Braun M. Generational Changes in Gender-role Attitudes: Britain in a Cross-national Perspective' // *Sociology*. 1996. Vol. 30(3). P. 471–492.

Scott J., Duncombe J. Gender-Role Attitudes in Britain and the USA // *Women and Working Lives* / S. Arber and N. Gillbert (Eds). New York: St Martin's Press, 1992.

Sjöberg, O. The Role of Family Policy Institutions in Explaining Gender-role Attitudes: a Comparative Multilevel Analysis of Thirteen Industrialized Countries // *Journal of European Social Policy*. 2002. Vol. 14(2). P. 107–123.

Socialförsäkringslagen. 1999. Дата обращения к ресурсу [27.06.2006]. Доступно по адресу: <http://www.notisum.se/rnp/sls/lag/19990799.HTM>.

Therborn G. *Between Sex and Power. Family in the World, 1990–2000*. London: Routledge, 2004.

Watson P. Eastern Europe's Silent Revolution: Gender // *Sociology*. 1993. Vol. 27(3). P. 471–487.

Жанна Владимировна Кравченко
аспирантка / PhD student,

Университетский колледж Южного Стокгольма, Швеция
электронная почта: zhanna.kravchenko@sh.se

Аквиле Мотеюнайте
аспирантка / PhD student,

Университетский колледж Южного Стокгольма, Швеция
электронная почта: akvile.motiejunaite@sh.se
